

ПАТРУШЕВ СЕРГЕЙ



ТЕТРАДЬ
СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕКА

Сергей Патрушев

Тетрадь судьбы человека

«Автор»

2026

Патрушев С.

Тетрадь судьбы человека / С. Патрушев — «Автор», 2026

Чернила на моих пальцах давно высохли, но я всё ещё чувствую их липкий, металлический привкус. Я смотрю на этот город, на людей-муравьев внизу, и моя рука тянется к Книге. Могу написать «счастье», и они будут улыбаться, даже если их сердца разорвутся. Могу написать «смерть», и она придёт за ними с вежливой улыбкой. Разве это не справедливость? Исправить их жалкие, ошибочные жизни? Но почему тогда, когда я пишу «любовь», она пахнет гнилью? Почему мой идеальный порядок требует столько крови? Я возомнил себя богом, но боги не сомневаются. А я смотрю на чистую страницу и не знаю: имею ли я право решать, кому дышать, а кому стать лишь строчкой в моём отчете? Или я просто самый страшный тиран, потому что даже не понимаю, где заканчивается моя воля и начинается голод этой проклятой тетради?

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний вздох в чёрном кресле	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Тетрадь судьбы человека

Глава 1. Последний вздох в чёрном кресле

Пластик подлокотников впивался в локти. Кира знал, что на правой руке, чуть выше сгиба, уже наливаются багровым синяк, но у него не было сил сменить позу. Монитор перед ним, настроенный на минимальную яркость, всё равно выжигал сетчатку. Таблица в Excel пульсировала бесконечным, бессмысленным зелёным цветом. КРІ. Ключевые показатели эффективности. За прошлый квартал, за текущий, прогноз на следующий.

Кира ненавидел слово «прогноз». Оно пахло пылью, дешёвым растворимым кофе и безысходностью.

Вентиляционная решётка над головой ритмично вздыхала, гоняя по опен-спейсу запах озона и чужой, застоявшейся жизни. Слева, не переставая, стучал по клавиатуре стажёр Дима. *Тук-тук-тук. Тишина. Тук-тук-тук.* Словно дятел, добывающий личинок из гнилого ствола корпоративного древа. Справа бубнил в гарнитуру менеджер по продажам, убеждая кого-то на том конце провода, что «синергия наших компетенций позволит оптимизировать ваши издержки». Кира знал этого менеджера. Тот вчера плакал в туалете на третьем этаже, потому что его жена подала на развод. А сегодня он продавал синергию.

Кира моргнул. Веки казались свинцовыми. Он попытался сфокусировать взгляд на цифре в ячейке В-42. Цифра расплылась, превратившись в серую амёбу.

Сначала он подумал, что это просто усталость. Обычный спазм, который бывает, если просидеть в одной позе двенадцать часов. Но потом левая рука, лежавшая на мышке, вдруг стала невесомой. Пальцы разжались сами собой, и мышь с глухим стуком упала на дешёвый коврик.

— Эй, — хотел сказать Кира стажёру Диме, — подай, пожалуйста.

Но изо рта не вышло ни звука. Горло сжало невидимой, ледяной рукой. Не той рукой, что душит, выдавливая жизнь, а той, что просто запечатывает выход.

Воздух вдруг исчез. Не закончился в лёгких, а именно исчез из самой реальности. Кира сделал судорожный, инстинктивный вдох, но его диафрагма встретила абсолютную пустоту. Это было похоже на попытку пить из пустого стакана: движение есть, усилие есть, а жидкости нет.

Тук-тук-тук.

Звук клавиатуры стажёра вдруг стал невыносимо громким. Каждый удар отдавался не в ушах, а прямо в центре лба, превращаясь в набат. Зелёная таблица перед глазами пошла рябью, как вода от брошенного камня. Края монитора начали темнеть, сворачиваясь в чёрную точку.

Кира попытался встать. Ноги не слушались. Он опустил взгляд вниз, на свои колени, скрытые столешницей. Чёрная ткань офисных брюк казалась нарисованной. Он пошевелил пальцами ног. Ощущение было таким, словно он пытается управлять марионеткой, нити которой перерезали секунду назад.

Тук-тук...

Стук оборвался.

Пропал гул вентиляции. Пропал бубнёж менеджера. Пропал даже фоновый шум серверов в соседней комнате. Офис, со всеми его флуоресцентными лампами, пластиковыми картами доступа и графиками отпусков, просто выключили из розетки.

Наступила тишина. Не глухая, ватная тишина закрытого помещения, а первобытная, космическая пустота.

Кира перевёл взгляд на своё чёрное офисное кресло. То самое, в котором он провёл, по самым скромным подсчётам, около одиннадцати тысяч часов своей жизни. Он всегда ненави-

дел его. Ненавидел то, как оно скрипело, ненавидел продавленную сетку на спинке, ненавидел колёсики, которые вечно забивались волосами и крошками из корпоративной столовой.

Сейчас кресло начало меняться. Сначала исчезла текстура. Гладкий чёрный пластик и дешёвая эко-кожа потеряли объём, став плоскими, как на старой, выцветшей фотографии. Затем они начали осыпаться. Не как труха, а как пиксели сбитой компьютерной игры. Крошечные чёрные точки отрывались от подлокотников и уносились вверх, растворяясь в воздухе, которого больше не было.

Кира понял, что он больше не сидит. Он не чувствовал опоры под собой, не чувствовал давления ремня, не чувствовал тяжести собственного тела. Он висел. Или падал. Или стоял на месте, пока вся Вселенная рушилась вокруг него.

Его собственное тело тоже начало таять. Он посмотрел на свои руки. Кожа на них стала полупрозрачной. Сквозь неё проступили тёмные линии вен, затем кости, а потом и они превратились в серый пепел, который тут же подхватило несуществующее течение.

Страх не было. Это было самым странным. Мозг, этот идеальный механизм выживания, который годами заставлял его бояться увольнения, налоговой проверки и недовольства начальника отдела, сейчас просто констатировал факт. Процессор перегрелся и отключился.

Вместо страха пришло странное, кристально чистое чувство. Освобождение.

Он больше не должен был заполнять ячейку В-42. Не должен был улыбаться на утренних планёрках. Не должен был делать вид, что его волнует квартальный бонус, которого едва хватит на погашение процентов по ипотеке. Тяжесть, которую он таскал на плечах с двадцати двух лет, исчезла. Бетонная плита, вросшая в его позвоночник, рассыпалась в пыль.

Кира посмотрел вперёд.

Офиса больше не было. Не было окон с видом на промзону, не было потолка с мигающими лампами. Была только Тьма.

Но это не была темнота ночи или темнота закрытого гроба. Ночь имеет глубину, она состоит из полутонов, в ней всегда есть воздух. Эта Тьма была абсолютной. Она была субстанцией. Вязкой, бархатной, бесконечной. Она не окружала Киру — она была им, и он был ею. Его сознание, лишённое тела, стало просто точкой восприятия в этом первозданном ничто.

И в этой Тьме кто-то дышал.

Сначала Кира принял это за остаточную работу своего мозга, за фантомный звук. Но звук был реальным. Он не шёл извне, потому что «вне» не существовало. Он рождался прямо в центре его нового, бестелесного «я».

Это был шёпот. Миллионы голосов, говорящих в унисон, но на разных языках. Они не использовали слова, они использовали смыслы.

Ки-ра.

Его имя прозвучало не как набор звуков. Оно прозвучало как диагноз. Как ключ, вернувшийся в замок.

— Я умер, — произнёс Кира.

Слова тоже не имели звука. Это была чистая мысль, брошенная в океан вечности.

Да, — ответил шёпот. Он не был ни мужским, ни женским. Он был древним. Старше, чем первое офисное здание. Старше, чем первый налог. — Твоё сердце лопнуло, как перетянутая струна. В 17:42 по времени твоего кластера. Стажёр Дима сейчас пытается нащупать твой пульс и панически тычет пальцем в экран телефона. Твоё тело ещё тёплое. Но тебя там больше нет.

— Почему я всё ещё думаю? — спросил Кира. — Почему я — это всё ещё «я»? Где туннель? Где свет в конце? Где встречающие родственники с крыльями или рогами?

Тьма вокруг едва заметно дрогнула, что могло сойти за пожатие плечами.

Туннели и родственники — это интерфейс. Прошивка для биологических носителей, чтобы переход не вызывал критической ошибки паники. Твоему интерфейсу не хватило времени на загрузку. Ты оказался слишком быстрым. Ты просто выдернул штекер.

Кира попытался усмехнуться, но у него не было губ.

— Удобно. Значит, я просто... файл, который не успели сохранить?

Ты — информация, — поправил шёпот. — А информацию нельзя уничтожить. Её можно только перевести из одного состояния в другое. Твоя боль, твой страх перед ячейкой В-42, твоя ненависть к колёсикам кресла — всё это энергия. И она должна быть уравновешена.

Впереди, в бесконечной дали, что-то мигнуло.

Это не был свет. Во всяком случае, не тот свет, который обещают в дешёвых брошюрах про загробную жизнь. Не тёплый золотой нимб, не уютное сияние рая. Это была точка абсолютной, леденящей белизны. Холодный, мёртвый свет далёкой нейтронной звезды. Он не рассеивал тьму, он просто существовал в ней, как инородный, враждебный объект.

От этого света тянуло не теплом, а стерильностью. Запахом озона, кипячёной воды и чистого, неиспользованного пластика. Запахом нового, только что распакованного офисного кресла.

— Это и есть тот самый свет? — спросил Кира. — Меня заберут?

Тебя никто не забирает, — шёпот стал тише, в нём прорезались нотки, подозрительно похожие на скуку. — Туда уходят те, кто согласен на форматирование. Те, кто готов стать частью общего потока, потерять своё имя и свои воспоминания в обмен на вечный покой. Они сливаются со светом. Их «я» растворяется в идеальной, математической любви Творца. Они становятся цифрой в бесконечном коде.

— А я? — Мысль Киры напряглась. — Что будет со мной?

Ты... бракованная партия, — в голосе шёпота впервые промелькнуло что-то похожее на веселье. — Системный сбой. Твоя ненависть оказалась сильнее твоего инстинкта самосохранения. Ты умер не от тромба. Ты умер от острого отторжения реальности. Твоя душа... она слишком шершавая. Она не скользит в паз общего механизма. Свет не примет тебя. Ты для него — вирус.

Точка холодного света впереди вдруг начала тускнеть, отдаляясь. Или это Кира начал от неё отдаляться?

— То есть я застрял? — Мысль-понимание пронзила его. — Вечность во тьме? Бесконечное ничего?

Нет, — ответил шёпот, и в нём впервые за всё время прозвучала почти человеческая, сочувственная интонация. — Бесконечное ничего — это слишком скучно даже для вируса. Тьма не терпит пустоты. Там, где гаснет один свет, всегда загорается другой.

Тьма вокруг Киры начала сгущаться, обретая плотность. Она больше не была мягким бархатом. Она стала твёрдой, как застывающая смола. Чёрное офисное кресло, последние молекулы которого только что растворились, начало проступать заново. Но теперь оно было соткано из самой этой Тьмы. Оно стало тронном.

Шёпот, который звучал отовсюду, теперь сфокусировался в одной точке — прямо за левым плечом Киры. Он стал осязаемым, почти материальным.

— Кто ты? — спросил Кира, хотя уже знал, что ответа не будет. По крайней мере, такого, который поместится в его человеческую логику.

Я — то, что остаётся, когда гаснут звёзды и закрываются корпорации, — прошелестело у самого его виска. — Я — пустая графа в отчёте. Я — Элей.

И в тот же миг холодный свет впереди исчез окончательно.

Вместо него, прямо перед лицом Киры, из абсолютной черноты соткалось зеркало.

Оно не висело в воздухе. У него не было рамы. Его поверхность не отражала свет, потому что света не было. Оно поглощало его.

Кира посмотрел в него.

Там не было его лица. Не было прозрачных рук или растворяющегося торса. В идеально чёрной, маслянистой глади зеркала отражалось его кресло. То самое, из дешёвого кожзамени-теля. Оно стояло посреди бесконечного опен-спейса, заставленного одинаковыми столами. На мониторе перед креслом бесконечно и бессмысленно мигала зелёная таблица.

А в самом кресле, сгорбившись и положив полупрозрачные пальцы на мышь, сидел он.

Кира. Офисный служащий. Он был живым. Он дышал. Его сердце билось ровно и размеренно, как метроном. Он смотрел в таблицу, и в его глазах плескалась знакомая, всепогло-щающая, серая тоска.

— Это не я, — прошептал Кира-здесь, в Тьме. — Это просто оболочка. Биоробот, кото-рый Дима сейчас будет тормозить, пока не вызовут скорую.

Это твой аватар, — ответил Элей. — *Твой якорь. Система не заметила подмены. Для них ты просто потерял сознание от переутомления. Тебя откачают. Введут адреналин в сердце. Поставят капельницу. Дадут две недели оплачиваемого больничного. И ты вернёшься.*

— Нет, — мысль Киры стала острой, как осколок стекла. — Я не вернусь. Я не сяду в это кресло. Я лучше брошусь под поезд.

Ты не сможешь, — в голосе Элея прозвучала сталь. — *Контракт разорван лишь частично. Твой срок аренды тела не истёк. Если ты попытаешься уничтожить аватар окончательно, твоё сознание не освободится. Оно будет заперто в гниющей, парализованной плоти. Вечность в сенсорной депривации. Абсолютная слепота, глухота и немота. Ты будешь гнить заживо, осознавая каждый миллиметр распада. Это и есть настоящий ад, Кира. Не огонь. Офис, из которого нельзя уволиться, даже когда твоё тело превратилось в прах.*

Кира смотрел на своё отражение в чёрном зеркале. На свой опущенные плечи. На вены, вздувшиеся на виске. На то, как Дима трясёт его за плечо.

— Тогда что ты от меня хочешь? — спросил он. — Зачем ты мне это показываешь? Если я не могу умереть и не могу остаться здесь...

Я ничего от тебя не хочу, — прошелестел Элей. — *Я — лишь наблюдатель. Сторож на границе систем. Но ты меня заинтересовал. Твоя ненависть... она имеет структуру. Она почти разумна. Ты ненавидишь не жизнь. Ты ненавидишь её дефолтные настройки. Скрипт, по которому живут миллиарды.*

— И что? — Мысль Киры дрогнула.

— Большинство душ, попадая сюда, просят вернуть их. Обещают всё изменить. Начать бегать по утрам. Простить отца. Уделять внимание детям. Купить домик у озера. Это самая старая и самая лживая молитва во Вселенной. Они возвращаются, и через неделю их ненависть снова становится привычкой, а привычка — вторым подбородком.

Элей сделал паузу. Тьма вокруг зеркала сгустилась ещё сильнее, отрезая мёртвый офис от сознания Киры.

— Ты — другой случай, — продолжил шёпот. — Ты не просишь вернуть тебя. Ты просишь дать тебе оружие. Ты хочешь не просто выйти из системы. Ты хочешь взломать её изнутри.

— Я хочу, чтобы ячейки В-42 никогда не существовало, — прошептал Кира.

Это невозможно, — ответил Элей. — *Порядок требует ячеек. Хаос требует их запол-нения. Но...*

Шёпот приблизился, становясь почти физически ощутимым холодом на границе несущест-вующего тела Киры.

Но систему можно переписать. Правила можно изменить, если изменить того, кто их устанавливает. Твоё тело, твой аватар — это просто сосуд. Дешёвая глина. Но твой разум...

он прошёл через форматирование смертью и не распался. Он закалился. Если ты вернёшься, ты вернёшься не тем, кем был. Ты станешь носителем. Очагом инфекции.

— Какой инфекции? — спросил Кира.

Вируса Свободы, — ответил Элей. — Я могу провести тебя дальше. Не в свет, не в покой. В Междумирье. В Изнанку. Туда, где спят Древние, где магия ещё помнит своё имя, а слова имеют вес свинца. Туда, где такие, как ты, становятся либо богами, либо пылью. Я дам тебе нить. А ты решишь, дёрнуть за неё или перерезать.

Кира снова посмотрел в зеркало. Дима в офисе уже перестал его трясти и, кажется, начал набирать номер на телефоне. Лицо аватара начало синеть.

— Что я должен сделать? — спросил Кира.

Ничего, — сказал Элей. — Просто перестань сопротивляться Тьме. Перестань пытаться быть человеком. Позволь мне забрать твою боль. Позволь мне заполнить пустоту, которая осталась на месте твоего сердца.

Кира закрыл глаза. У него не было век, но жест был инстинктивным, остаточным. Он представил своё чёрное кресло. Свой график. Свою ипотеку. Свою жизнь, которая оказалась просто черновиком, написанным чужой рукой.

Он выдохнул. И перестал быть.

Тьма хлынула внутрь. Она не была холодной. Она была абсолютной, комнатной температуры. Она заполнила те места, где раньше были страх, долг, усталость и любовь к дешёвому растворимому кофе. Она выжгла дотла ячейку В-42.

Кира открыл глаза.

Он всё ещё висел в пустоте. Но теперь он чувствовал свои границы. Его сознание больше не было точкой. Оно стало формой. И эта форма была одета в нечто, сотканное из теней. Длинный, поношенный сюртук, который не носил никто из живых.

— Я здесь, — сказал Кира. Голос прозвучал вслух — низкий, с лёгкой хрипотцой, которой у него никогда не было при жизни.

Добро пожаловать в настоящую бухгалтерию, Кира, — прошелестел Элей, и его шёпот теперь звучал не извне, а прямо из центра груди Киры. — Свет отверг тебя. Теперь тебе придётся научиться любить Тьму. Или сойти с ума.

Впереди, там, где только что было зеркало, отражавшее мёртвый офис, пространство начало рваться. Не трескаться, как стекло, а расходиться, как молния на старом кожаном плаще. Из прорехи пахло не озоном. Пахло гарью, мокрой шерстью, старой кровью и озоном совсем другого свойства — запахом приближающейся магической грозы.

В прорехе не было звёзд. Там был город. Построенный из чёрного, отливающего фиолетовым камня, по которому текли реки расплавленного серебра.

Кира сделал шаг. У него не было ног, но он сделал шаг, и Тьма подчинилась его воле, вынесла его к самому краю разрыва.

— А что будет с тем? — спросил он, кивком указывая назад, в сторону тускнеющего отражения офиса. — С моим аватаром? С Димой и его паникой?

Они закроют твой ноутбук, — ответил Элей. — Поставят статус «Отошёл». Через неделю на твоё место наймут другого. Он будет чуть моложе, чуть амбициознее. Он будет верить, что уж он-то точно доберётся до должности начальника отдела. И через пять лет он будет умирать в этом же кресле, ненавидя свои колёса. Цикл не прервётся.

— Я прерву, — сказал Кира.

Он перешагнул через край разрыва. Тьма за его спиной сомкнулась, навсегда стирая из реальности отражение зелёной таблицы.

Холодный свет далёкой звезды остался где-то в другой, бесконечно скучной Вселенной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.